

Страхи Клода Симона

Страх № 1: перед наукой

На страницах еженедельника «Экспресс» (25 июля) опубликовано под заголовком «Романист и политика» выступление Клода Симона, представляющее собою его расширенную речь на международном симпозиуме «Писатель и мирное существование», состоявшемся в июне в Финляндии.

Клод Симон полагает, что романист должен уйти от политики в своих произведениях. Почему? А потому, что романисты «не сверхчеловеки» и не могут обладать всей суммой современных научных знаний, необходимых для того, чтобы вообще утверждать какую-либо истину, какую-либо концепцию жизни.

«Для познания вещей, — рассуждает Клод Симон, — романист имеет всего-навсего пять чувств и довольно скромный ум. Как и все люди, он способен воспринимать лишь бесконечно малую часть действительности, какие-то бессвязные ее фрагменты, которые с трудом объединяет воедино. И какой же человек, не рискуя показаться смешным, станет в наши дни (а мы живем все-таки в 1963 году!) утверждать, будто он овладел всей суммой человеческих знаний? Социология, мораль, экономика, психология — и отдельных людей, и больших человеческих групп — представляются ныне науками широчайшего диапазона. Даже поверхностное знакомство с любой из них требует длительного труда. Их разработку всецело посвящают себя выдающиеся специалисты, профессора университетов. И вот возникает вопрос: как романисту разобраться во всех этих материях, как ему рассудить, что истинно, что ложно, указать людям путь, по которому они должны следовать, или, пользуясь модной формулой, «охватить всеобщность бытия в его становлении», или, наконец, как сказал профессор Ермилов (имеется в виду мой доклад на упомянутом симпозиуме в Финляндии. — В. Е.), «утвердить свою концепцию жизни, какую она должна быть». Но чтобы знать, какую должна быть жизнь, необходимо уяснить, в чем ее смысл и значение». А как раз это, по мнению Клода Симона, и невозможно из-за отсутствия у романиста всеохватывающих современных научных знаний.

Эти размышления французского писателя вызывают прежде всего чувство удивления. В нашей, советской критике уже очень давно, еще в двадцатых, отчасти в тридцатых годах, прошли дискуссии о специфике искусства, о невозможности и недопустимости отождествления искусства с наукой. В этих дискуссиях указывалось на крайнюю наивность и вульгарность таких взглядов на искусство, которые стирают качественное различие между научным и художественным мышлением, между логическим понятием и художественным образом.

В основе приведенных рассуждений Клода Симона лежит именно отождествление искусства с наукой, как бы ни был субъективно далек от этого сам автор рассуждений. Может быть, Клоду Симону дело представляется так, что если в прежние времена, когда наука еще не была столь развита, романист мог владеть всей суммой современных ему научных знаний и поэтому имел возможность и право выдвигать в своих произведениях свою концепцию жизни, то ныне, «в 1963 году», романист уже не может усвоить всю современную ему науку и поэтому не имеет возможности выдвигать в своем творчестве свое представление о жизни, какова она есть и какою, в соответствии с эстетическим идеалом романиста, она должна быть. Однако не только в 1963 году, но и в предшествующие времена художник не имел возможности овладеть всем богатством современной ему науки. Конечно, чем более глубоко познания художника в сфере той или другой науки, тем богаче он как художник. Но, однако, в качестве художника он мыслит по-иному, чем ученый, и,

выдвигая свое представление о мире, о людях, об идеале жизни, он выдвигает эстетическое представление, эстетический идеал.

У искусства — свои цели, свой метод, свое, особое познание действительности и человека. И, право, странно, что приходится повторять эти общеизвестные истины: ведь, действительно, мы живем в 1963 году! Своей постановкой вопроса Клод Симон возвращает нас к временам, так сказать, доисторическим, когда на искусство смотрели лишь, как на служанку — сначала богословия, а потом науки, призванную популяризировать и пропагандировать истины, добытые не самим искусством, а религией или наукой. Но искусство само, своим собственным трудом, своими усилиями добывает истину, а не служит разносчиком истины. Клод Симон посвящает все свое выступление борьбе против искусства, «поставленного на службу», или, как еще принято выражаться, «завербованного». Но, однако, он не замечает, что сам занимает странную позицию, из которой вытекает такая зависимость искусства от науки, когда развитие науки, оказывается, лишает искусство возможности утверждения эстетических концепций и идеалов жизни. Различие между наукой и искусством Клод Симон фактически усматривает только в том, что искусство способно воспринимать лишь бессвязные фрагменты действительности, в то время как наука (в совокупности всех своих подразделений и разветвлений), видимо, способна воспринять всю действительность в целом. Различие между искусством и наукой, по Клоду Симону, таким образом, количественное, а не качественное.

Но искусство обладает своими, лишь ему присущими, своеобразными проблемами и решает их своими особыми, лишь ему присущими средствами. Если бы искусство повторяло науку, то оно не было и нужно человечеству. Какова же главная проблема искусства?

Искусство изображает действительность, оценивая ее с точки зрения человека, причем не человека вообще, а данной конкретной, неповторимой человеческой индивидуальности. Искусство стремится ответить на вопрос: хорошо или плохо жить человеку в данной действительности? И что такое хорошо и плохо с точки зрения человека? Способствует или не способствует эта действительность осуществлению человеческих возможностей человека как существа общественного? В чем именно заключается особый способ угнетения человека данной действительностью? В чем заключается несоответствие или, наоборот, соответствие действительности идеалу красоты? И что такое красота? Искусство создает образ человека во всей конкретной сложности и цельности человеческой личности, в отношениях человека с другими людьми и со всем миром, в своеобразии переживаний данной личности, отличающейся от всех других личностей.

Иными словами, искусство утверждает личность человека как единственную, неповторимую ценность. Даже если тот или другой романист интересуется не столько индивидуальными характеристиками, сколько переживаниями, то, в отличие от науки психологии, любая частичка чувства, воспроизводимая искусством, всегда будет неизбежно окрашена неповторимо индивидуальной окраской. Если же этого нет, то нет и искусства.

Все это свидетельствует о том, что у искусства такие задачи, которые способно решать только оно и которые не ставит и не может ставить перед собою наука. Вы хотите лишить искусство того, ради чего оно существует? Но тем самым вы отнимаете у человека одного из самых могучих и верных его защитников, одно из испытанных средств утверждения ценности человека. Вы лиша-

ете искусство того, чем оно по самой своей природе противостоит всем и всяческим видам насилия над человеком, тирании, тоталитаризма, отвергающего личность, отрицающего ее значение.

Что касается «фрагментарности», как выражается Клод Симон, третируя искусство за то, что оно воспринимает действительность лишь в отдельных, частных ее проявлениях, то и здесь опять-таки сказывается игнорирование специфики искусства. Да, искусство схватывает действительность всегда лишь в отдельном, особенном, раскрывая в данной неповторимой конкретности обстоятельств и в данной неповторимой человеческой индивиду-

альности общие связи. В. И. Ленин прекрасно сказал, что в искусстве весь гвоздь — именно в данных обстоятельствах, в данных отношениях, в данных людях.

Не принадлежит ли Клод Симон к числу тех писателей, которых запугало развитие современной науки до такой степени, что они склонны забыть о том, что у искусства есть своя неколебимая крепость? Искусство — равновеликая держава по сравнению с наукой. Почему же искусство должно капитулировать перед наукой? Почему из-за высокого развития науки искусство должно отказаться от утверждения концепции мира и человека? Крепость искусства не должна капитулировать ни перед чем.

Полемика

Страх № 2: перед поисками истины

Впрочем, оказывается, что Клод Симон, фактически отождествив искусство с наукой, делает это главным образом для того, чтобы признать одинаковую релятивистскую немощность и того, и другой. Он говорит: «чтобы знать, какую должна быть жизнь, необходимо уяснить себе, в чем ее смысл и значение». Так вот и давайте стараться уяснить это себе и другим! Уяснением этого всегда и занималась художественная литература. Но Клод Симон ставит предел, запрет, устанавливает табу для романиста. Он заявляет, что романист не может и не должен пытаться уяснить для себя и для читателя какую-либо истину по той причине, что все представления о жизни, о ее смысле и значении, о том, какую она должна быть, к сожалению, по сей день «относятся скорее к области верования, чем к сфере подлинного мышления». Мы читаем далее у Клода Симона:

«Что до меня, то, откровенно говоря, я не знаю, что означает этот мир, не знаю, куда он идет. Я не знаю, куда должен идти человек. Все, что я знаю, — это лишь то, что мир движется, что он непрерывно изменяется, что жизнь — некое непрерывное движение, непрерывная революция, непрерывное разрушение и восстановление, и то, что было верным вчера, уже неверно сегодня. Быть может, ничто неверно. И мне кажется, что единственно действительно в этих условиях — это непрерывное ослабление всего, непрерывные сомнения по поводу принятых и утвердившихся структур и форм, будь они социальными или художественными».

Однако, Клод Симон, ведь это концепция! Да, это концепция мира, которую Вы утверждаете. Гони природу в дверь, она войдет в окно. Романист не может жить без того или иного представления о жизни. Клод Симон тоже доказал это.

Итак, он полагает, что все истины и идеалы, утверждаемые человечеством, относятся скорее к области верования, чем к сфере подлинного мышления, и что поэтому художник и не должен стремиться ни к каким позитивным истинам и идеалам, а должен лишь сомневаться во всем, оспаривать все утвердившиеся социальные и художественные структуры.

Я все же позволю себе напомнить моему оппоненту, что диалектический материализм выдвигает критерий проверки истинности истины: это критерий практики, опыта; по отношению к социальным истинам — социальная практика, динамика, действие, борьба. Таким образом, все же не так уже безнадежно обстоит дело с возможностью отличия мифологии от истинного мышления. Но Клод Симон запрещает современным романистам заниматься тем, чем занимались великие романисты: искать вместе с читателем, утверждать и вновь, и вновь искать и утверждать истину. Клод Симон выступает против этих поисков и утверждений не только на том основании, что истину, вообще нельзя отличить от верования, но также и на том основании, что роман, по его мнению, вообще субъективен, произволен

и не может быть доказательством какой-либо истины.

Речь идет об очень важных вещах, и поэтому необходимо очень внимательно прислушаться к Клоду Симону. Он говорит, что «та история, которую нам преподносят (в романе. — В. Е.), та цель событий, о которых нам хотят внушить, будто они абсолютно определены и определяющи, а также полны глубокого смысла, — все это отнюдь не достоверная хроника тех событий, что произошли действительно, а всего лишь фикция. Это значит, что традиционный романист только похвалится доказательством того или иного закона. Но ведь закон-то этот выведен из истории, выдуманной автором от начала и до конца, истории, которая в любом своем месте могла бы быть иной... Только от фантазии, произвола или доброй воли писателя зависит, чтобы, скажем, такой-то персонаж никогда не столкнулся с другим, чтобы кто-то не явился на решающее свидание, чтобы произошло какое-нибудь событие, мгновенно разрушающее это якобы логичное, а на самом деле механистичное взаимодействие причины и следствия...»

Возьмем для примера любой роман. Хотя бы флюберовскую «Госпожу Бовари». Все хорошо знают, что, погрязнув в долгах, героиня отравилась и скончалась в страшных мучениях. Но ведь, в конце концов, мы знаем и то, что никакая фатальность, никакой детерминизм или роковой закон, ни в эпоху Флобера, ни в наши дни, не вынуждали женщин, совершивших прелюбодеяние, умереть именно так... Как и множество других женщин, без конца обманывающих своих мужей, Эмма могла бы дожить до глубокой старости и умереть богатой, умиротворенной, уважаемой и очень счастливой...

Итак, если выдуманная история, рассказанная нам романистом, не может быть демонстрацией истинной жизни, не является доказательством, одним словом, если, в противоположность тому, что хочет внушить нам автор, она, эта история, не означает ничего, если, кроме того, она не может ни поддерживать, ни распространять предвзятые понятия, то она не может служить поддержкой вообще ничему. Но тогда в чем же ее смысл и какова ее ценность?»

Вновь и вновь мы встречаемся в рассуждениях Клода Симона с такими представлениями об искусстве, которые нельзя назвать иначе чем доисторическими. Ведь и все «разрушители эстетики» всегда рассуждали подобным образом. Они объявляли искусство вредным, дурманом, «опиумом для народа» на том основании, что художественные произведения представляют собою вымысел, «фикцию», а не факт. Если искусство — вымысел, то, следовательно, оно — обман и нужно отказаться от этого обмана во имя фактографии и фотографии. Клод Симон, с одной стороны, заявляет, что все изменяется, ничто не повторяется, и то, что было верно вчера, уже неверно сегодня. Но, с другой стороны, он сам повторяет давным-давно опровергнутые, (Окончание на 4-й стр.)